

WORLD CLASSICS BOOKS

АЛЕКСАНДР
ГРИН

ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г85

Грин, А.
Г85 Продавец счастья / А. Грин. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 448 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76771-7

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Фердинанда Георга Вальдмюллера «Ранняя весна в Венском лесу», 1864, Старая и Новая Национальные Галереи, Музей Берггрюна, Берлин.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76771-7 © Т8 РUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Племя Сиург	5
Последние минуты Рябикина	23
История Таурена	31
Гранька и его сын	40
Таинственный лес	49
Балкон	140
Всадник без головы	152
Глухая тропа	161
Табу	170
Наивный Туссалетто	190
Далекий путь	198
Продавец счастья	219
Сладкий яд города	232
Тихие будни	247
Новый цирк	276
Жизнеописания великих людей	283
Человек с человеком	292
Мертвые за живых	300
Земля и вода	306
Загадка предвиденной смерти	325
Редкий фотографический аппарат	335

Эпизод при взятии форта «Циклоп»	342
Забытое.....	351
Происшествие в квартире г-жи Сериз	360
Повесть, оконченная благодаря пуле	369
Судьба, взятая за рога.....	388
Искатель приключений	394
Бой на штыках	429
Тайна лунной ночи.....	431
Слово-убийца	434
Убийство в рыбной лавке.....	436
Там или там	446

ПЛЕМЯ СИУРГ

I

— Эли Стар! Эли Стар! — вскрикнул бородатый молодой крепыш, стоя на берегу.

Стар вздрогнул и, спохватившись, двинул рулем. Лодка описала дугу, ткнувшись носом в жирный береговой ил.

— Садись, — сказал Эли бородачу. — Ты закричал так громко, что я подумал, не хватил ли тебя за икры шакал.

— Это потому, что ты не мог отличить меня от дерева.

Род сел к веслам и двумя взмахами их вывел лодку на середину.

— Я не слышал ни одного твоего выстрела, — сказал Стар.

Род ответил не сразу, а весла в его руках заходили быстрее. Затем, переводя взгляд с линии борта на лицо друга, выпустил град быстрых, сердитых фраз:

— Это идиотская страна, Эли. Здесь можно сгореть от безешенства. Пока ты плавал взад и вперед, я исколесил приличные для моих ног пространства и видел не больше тебя.

— Конечно, ты помирился бы только на антилопе, не меньше, — засмеялся Стар. — И брезговал птицами.

— Какими птицами? — зевая, насмешливо спросил Род. — Здесь нет птиц. Вообще нет ничего. Пусто, Эли. Меня окружала какая-то особенная тишина, от которой делается не по себе. Я не встречал ничего подобного. Послушай, Стар, если мы повернем вниз, будем сменяться в гребле и изредка мочить себе головы этим табачным настоем, — Род показал на воду, — то через два часа, выража-

ясь литературно, благородные очертания яхты прикуют наше внимание, а соленый, кровожадный океан вытрет наши лица угольщиков своим воздушным полотенцем. Мы сможем тогда, Эли, выкинуть эти омерзительные жестянки с вареным мясом. Мы сможем переодеться, почистить истрепанную алжирскую газету, наконец, просто лечь спать без москитов. Эли, какое блаженство съесть хороший обед!

— Пожалуй, ты прав, — вяло согласился Стар. — Но видел ли ты хоть одно животное?

— Нет. Я тонул в какой-то зеленой каше. А стоило мне взобраться на лысину пригорка — конечно, полнейшая тишина. К тому же болезненный укус какого-то проклятого насекомого.

— Ты не в духе и хочешь вернуться, — перебил Эли. — А я — нет.

— Глупости, — проворчал Род. — Я думал и продолжаю думать, что пустыня привлекательна только для желторотых юнг, бредящих приключениями.

— На палубе мне еще скучнее, — возразил Стар. — Здесь все-таки маленькое разнообразие. Ты посмотри хорошенько на эти странные, свернутые махры листвы, на нездоровую, желто-зеленую пышность болот. А этот сладкий ядовитый дурман солнечной прели!

— Вижу, но не одобряю, — сухо сказал Род. — Что может быть веселее для глаз ложбинки с орешником, где бродят меланхолические куропатки и лани?!.

— Послушай, — нерешительно проговорил Эли, — ступай, если хочешь. Возьми лодку.

— Куда? — Род вытаращил глаза.

— На яхту. — Стар побледнел, тихий приступ тоски оглушил его. — Ступай, я приду к ночи. Спорить бесполезно, дружище, — у меня такое самочувствие, когда лучше остаться одному.

Вопросительное выражение глаз Рода сменилось высокомерным.

— Насколько я понимаю вас, сударь, — проговорил он, свирепо махая веслами, — вы желаете, чтобы я удалился?

— Вот именно.

— А вы будете разгуливать пешком?

— Немного.

— Хм! — задыхаясь от переполнявшей его иронии, выпустил Род. — Так я вам вот что сообщу, сударь: в гневе я могу убить бесчисленное количество людей и животных. Бывали также случаи, что я закатывал пощечину какой-нибудь мало естественной личности только потому, что она не имела чести мне понравиться. Я могу при случае стянуть платок у хорошенькой барышни. Но бросить вас одного на съедение гиппопотамам и людоедам — выше моих сил.

— Я поворачиваю. — сухо сказал Стар.

— Никогда! — вскрикнул Род, стремительно ударяя веслами, причем конечное «да» вылетело из его горла наподобие пушечного салюта.

Стар вспыхнул, — в эту минуту он ненавидел Рода больше, чем свою жизнь, — и круто повернул руль. Через несколько секунд, в полном молчании путешественников, лодка шмыгнула носом в колыхающуюся массу прибрежных водорослей и остановилась. Стар спрыгнул на песок.

— Эли, — с тупым изумлением сказал огорченный Род, — куда ты? И где ты будешь?

— Все равно. — Стар тихонько покачивал ружье, висевшее на плече. — Это ничего; дай мне побродить и успокоиться. Я вернусь.

— Постой же, консерв из грусти! — закричал Род, кладя весло. — Солнце идет к закату. Если ты окочуришься, что будет с яхтой?

— Яхта моя, — смеясь, возразил Эли. — А я — свой. Что можешь ты возразить мне, бородатый пачкун?

Он быстро вскарабкался на обрыв берега и исчез. Род изумленно прищурился, подняв одну бровь, другую, криво усмехнулся и выругался.

— Эли, — солидно, увещательным тоном заговорил он, встревоженный и уже решившийся идти по следам друга, — мы, слава богу, таскаемся три года вместе на твоей проклятой скорлупе, и я достаточно изучил ваши причуды, сударь, но такой подлости не было никогда! Отчего это у меня душа болела только раз в жизни, когда я проиграл карамбольный матч косоглазому молодцу в Нагасаки?

Он ступил на берег, тщательно привязал лодку и продолжал:

— Близится ночь. И эта проклятая, щемящая тишина!

Легли тени. Бесшумный ураган мрака шел с запада. В величественных просветах лесных дебрей вспыхивало зеленое золото.

II

Стар двинулся к лесу. У него не было иной цели, кроме поисков утомления, той его степени, когда суставы кажутся вывихнутыми. Ему действительно, по-настоя-

щему хотелось остаться одному. Род был всегда весел, что действовало на Эли так же, как патока на голодный желудок.

Высокая, горячая от зноя трава ложилась под его ногами, пестрея венчиками странных цветов. Океан света, блиставший под голубым куполом, схлынул на запад; небо стало задумчивым, как глаз с опущенными ресницами. Над равниной клубились сумерки. Стар внимательно осмотрел штуцер — близился час, когда звери отправляются к водопою. Простор, тишина и тьма грозили неприятными встречами. Впрочем, он боялся их лишь в меру своего самолюбия — быть застигнутым врасплох казалось ему унижительным.

Он вздрогнул и остановился: в траве послышался легкий шум; в тот же момент мима Стара, не замечая его, промчался человек цвета золы, голый, с тонким коротким копьем в руках. Бежал он как бы не торопясь, вприпрыжку, но промелькнул очень быстро, плавным, эластичным прыжком.

Смятая бегущим трава медленно выпрямлялась. Неподвижный, тихо сжимая ружье, Стар мысленно рассматривал мелькнувшее перед ним лицо, удивляясь отсутствию в нем свирепости и тупости — то были обычные человеческие черты, не лишённые своеобразной красоты выражения. Но он не успел хорошенько подумать об этом, потому что снова раздался топот, и в траве пробежал второй, вслед за первым. Он скрылся; за ним вынырнул третий, блеснул рассеянными, не замечающими ничего подозрительного, глазами, исчез, и только тогда Стар лег на землю, опасаясь выдать свое присутствие.

Нахмурившись, потому что неожиданное появление людей лишало его свободы действий, Стар пытливо провожал взглядом ритмически появляющиеся смуглые, мускулистые фигуры. Одна за другой скользили они в траве, прокладывая ясно обозначающуюся тропинку. На их руках и ногах звенели металлические браслеты, а разукрашенные прически пестрели яркими лоскутками.

«Погоня или охота», — мысленно произнес Стар.

Стемнело; представление кончилось, но Стар, прислушиваясь, ждал еще чего-то. Разгораясь, вспыхивали на небосклоне звезды; тишина, подчеркнутая отдаленным криком гиен, наполнила путешественника смешанным чувством любопытства и неудовлетворенности, как будто редкая таинственная душа обмолвилась коротким полупризнанием.

Стар поднялся. Ему хотелось двигаться с такой же завидной быстротой, с какой эти смуглые юноши, размахивая копьями, обвеяли его ветром своих движений. Головокружительный дурман мрака тяготил землю; звездный провал ночи напоминал бархатные лапы зверя с их жутким прикосновением. Маленькое сердце человека стучало в большом сердце пустыни; сонные, дышали мириады растений; улыбаясь, мысленно видел Стар их крошечные полураскрытые рты и шел, прислушиваясь к треску стеблей.

В то время воля его исчезла: он был способен поддаться малейшему толчку впечатления, желания и каприза. Исчезли формы действительности, и нечему было повиноваться в молчании преображенной земли. Беззвучные голоса мысли стали таинственными, потому что жутко-прекрасной была ночь и затерянным чувствовал себя Стар. Один ужас мог бы вернуть его к обычной замкну-